

ОСНОВНОЙ ВОПРОС НАШЕЙ ЭПОХИ

(ВТОРОЕ ПИСЬМО К ПОРЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ)

Большая часть эмигрантских направлений и группировок считают основным вопросом нашего времени вопрос о власти, т. е. вопрос о свержении власти большевиков и замены ее другой властью. Тем самым абсолютное преобладание получает вопрос политический. Вопрос этот решают разны, одни видят выход в восстановлении монархии, в форме самодержавной или конституционной, другие в учредительном собрании и демократической республике, третьи в той или иной форме фашизма и в новой диктатуре. Такая направленность воли искажает социальные перспективы и мешает сознать задачи нашей эпохи. Пора уже начать ставить все вопросы по существу, т. е. перестать определяться по преимуществу отрицательными аффектами и эмоциями. В эпохи великих исторических кризисов и потрясений вопрос о формах власти, т. е. вопрос чисто политический, лишь на поверхности может представляться самым главным и основным вопросом. В действительности ставится неизмеримо более глубокий и основной вопрос человеческого существования, судеб человеческого общества. Традиционные монархические и демократические формы власти потрясены до самых своих первооснов. И популярность фашизма, тяга к диктатуре в современной Европе есть лишь выражение этой потрясенности и разложения всех политических форм, есть лишь симптом и кризис. Бонапартизм и цезаризм есть выражение конца политической эпохи и означает угасание политического пафоса. Это есть упадочная политическая форма, играющая огромную роль в истории. Монархия и демократия — классичны, но эта классичность меньше всего свойственна нашей эпохе. Мы живем в эпоху, когда вопрос духовный делается ос-

новым вопросом, вопросом жизни или смерти и с ним неразрывно связан вопрос социальный, вопрос о творчестве новой жизни. Духовность в нашу эпоху неизбежно делается социальной, имеет свою социальную проекцию и социальность неизбежно должна быть духовной, духовно обоснованной, внутренне одухотворенной. Мы вступаем в универсалистическую эпоху и невозможно рассматривать русский вопрос изолированно и провинциально, вне мирового вопроса. Русский вопрос есть мировой вопрос. Нельзя говорить о русском призвании, о русской миссии, — вне мировой перспективы.

Если рассматривать коммунизм и капитализм как действительные антитезы, что я считаю ошибочным, то во всяком случае нужно признать, что оба эти явления носят мировой, интернациональный характер. Сосуществование двух интернационалов и вызывает экономическое заболевание мира.

Поскольку русская эмиграция есть провинциальное явление, она не стоит на высоте происходящих в мире событий. Она в большинстве случаев не понимает мирового размаха и мирового значения русской революции. Это иногда лучше понимают иностранцы. Национализм, который все терзает современную Европу и грозит ей гибелью, есть наследие предшествующей, кончающейся, умирающей эпохи. В новую эпоху, которую мы призваны созидать, национальные призвания будут осуществляться по иному, не в форме замкнутых и эгоцентрических национальных государств. А потому и вопрос о власти ставится совсем иначе и предполагает совсем иную социальную структуру, чем та, которая господствовала в буржуазно-капиталистических обществах.

Основной вопрос нашей эпохи есть вопрос социальный, духовно-социальный, вопрос о «хлебе», понимая под этим некий великий символ, об организации труда и хозяйства. Первый вопрос есть, конечно, вопрос духовный, о духовной жизни человека и общества людей. Самый вопрос о труде, от которого зависит жизнь экономическая, есть вопрос духовный и сейчас он становится духовным более, чем когда-либо. Человеческие общества дисциплинировали и организовали труд по рабски, по крепостнически, по капиталистически, т. е. в форме нового рабства, бесстыдно прикрывая его принципом свободы труда, в

действительности принуждая людей, лишенных орудий производства и собственности, к тяжким формам труда под страхом голодной смерти. Наконец пытаются дисциплинировать и организовать труд коммунистически и создают новые формы крепостного права, превращая государство в самого жестокого владельца крепостных. Вся проблема в том, как дисциплинировать и организовать труд так, чтобы он был действительно свободен, чтобы он не был рабским и крепостным трудом, хотя бы в прикрытых формах капиталистических или коммунистических. Но это и делает проблему труда духовной и религиозной. До сих пор труд не был свободным, свободными были лишь высшие формы творчества. Но общество человеческое должно стать трудовым обществом, должно стать иерархической системой труда, взятого не только в его количестве, но и в его качестве. Труд со стороны субъективной, — духовно, — есть аскеза и социальное служение, со стороны же объективной, социально он есть ценность, которая подлежит охране и защите общества и государства. Рабочий, социальный вопрос лишь с технической стороны есть вопрос экономический, правовой, — принципиально-же это есть вопрос историософический. Вопрос же историософический в христианском сознании неизбежно превращается в вопрос эсхатологический, вопрос о конечных судьбах истории и страшном суде над обществами и цивилизациями. В этом смысл революций, как апокалипсиса внутри истории.

В русских эмигрантских группах есть какая-то нечувствительность к религиозной значительности так наз. «социального вопроса», вероятно вследствие реакции против коммунизма. Но это есть недостаток сознательности. Русская эмиграция, конечно, представляет собой господствующие классы старой России. В этом нравственная фальшь ее восстаний против советской России, которая все таки, по преимуществу, рабоче-крестьянская. Но это соотношение несколько изменяется потому, что значительная часть эмигрантской молодежи превратилась в рабочих. По экономическому положению своему это пролетарии и интересы их пролетарские. Поэтому они не должны были-бы быть равнодушны к социальному вопросу и к интересам труда. Если русская эмигрантская рабочая молодежь часто остается безразличной к социальной проблеме, то исключительно потому, что

смотрит на свое положение, как на личное несчастье, а не как на социальное явление, и ждет улучшения своего положения не от улучшения положения трудящихся, а от возвращения себе утерянного положения господствующих классов. Думаю впрочем, что эти настроения идут на убыль и возрастают настроения более здоровые и реальные.

Необходимо установить правильную иерархию, знать, что есть первое, что второе и что третье. И вот первое есть, конечно, духовное, второе есть экономическое и лишь третье есть политическое. Политическое должно играть служебную роль относительно подлинно-реальных духовных и хозяйственно-экономических процессов. Нам более всего необходим духовный проявитель, которым мы могли бы отличать реальное от призрачного, действительную жизнь от паразитарных наростов. В политике всегда было очень много призрачного, вампирически высасывавшего сок народной жизни. И сейчас это чувствуется более, чем когда-либо. Мы живем в эпоху разоблачения реальностей. Призрачность политики можно особенно хорошо наблюдать во Франции. Лишь очень незначительная часть политики имеет отношение к реальной жизни народа. Процессы происходящие в современной Европе, как раз доказывают, что политическая власть очень мало может сделать для социального реформирования общества. Франция — демократическая республика и страна свободы, но она есть самая консервативная страна Европы, в ней необычайно трудно провести самую незначительную социальную реформу. Это вместе с тем говорит о границах понятия свободы в социальной жизни. Свобода есть высшая ценность. В жизни духа, откуда свобода и истекает, она кристалически ясна, она ясна еще в субъективных правах личности, в праве свободы совести, свободы мысли, свободы творчества, но в жизни социально-экономической она становится двусмысленной и может переходить в свою противоположность. Чисто формально-политическое утверждение свободы, свободы либерального мирозерцания может приводить к реальному экономическому рабству, к лишению людей права на жизнь и на труд, на достойное человеческое существование. Угнетение рабочих классов всегда проходило под лозунгом формальной свободы. Поэтому необходимо перейти от формального понимания свободы к

реальному пониманию свободы, от защиты чисто формальных прав гражданина, связанных с политическим обществом, — к защите реальных прав человека, связанных с обществом духовным, и реальных прав производителей, связанных с обществом экономическим.

Экономика есть более реальная жизнь, чем политика, и политика реальная есть лишь орудие экономики, как сама экономика есть лишь орудие осуществления целей духовной жизни. И экономика, как и политика, может создавать фикции и фантазмы, когда она становится совершенно автономной и не хочет подчиняться никаким религиозным и нравственным началам. Создание фикций и фантазмов есть специфическая болезнь капитализма. В фантазмагорическом мире капитализма сама частная собственность, которой этот мир так дорожит, превращается в фантазм. Человек сам не знает, чем он владеет, он владеет цифрами бухгалтерских книг банков, т. е. в сущности фикциями. Человек, владеющий коровою, владеет большей реальностью. Но христианство прежде всего дорожит реальностями и требует определенного отношения к реальностям, оно не выносит фикций. Христианское возрождение потребует возвращения к реальностям. А это будет значить прежде всего восстановление истинной иерархии ценностей. Первые ценности — ценности духовной жизни и духовной культуры. Потом следуют — ценности хозяйственно-экономические, как реального базиса жизни, — и потом лишь политические, наиболее формальные и оправданные лишь, как средство и орудие.

Духовное оздоровление человеческих обществ, без которого они дальше не могут существовать (русская катастрофа есть напоминание об этом для всего мира, в этом ее символический смысл), требует прежде всего преодоления христианского дуализма, христианской двойной бухгалтерии, согласно которой для личной жизни утверждались начала христианские, а для жизни социальной — начала антихристианские. Мир социально перестраивается и нужно по христиански определить свое отношение к происходящему, вложить свою христианскую волю и христианское творчество. В этом мы будем верны лучшим традициям русской мысли.

Николай Бердяев.